

Ермак взял Сибирь

Во славном понизовом городе Астрахане,
Против пристани матки Волги-реки,
Соходилися тут удалы добры молодцы,
Донския славны атаманы казачия:
Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич
И Анофрей Степанович.
И стали оне во единой круг
Как думати думушку за единое
Со крепка ума, с полна разума.
Атаман говорил донским казакам,
По имену Ермак Тимофеевич:
«Ай вы гой еси, братцы, атаманы казачия!
Некорыстна у нас шу(т)ка зашучена:
Гуляли мы по морю синему
И стояли на протоке на Ахтубе,
Убили мы посла персидскова
Со всеми ево салдатами и матрозами
И всем животом его покорыстовались.
И как нам на то будет ответствовать?
В Астрахане жить нельзя,
На Волге жить — ворами слыть,
На Яик идти — переход велик,
В Казань идти — грозен царь стоит,
Грозен царь, асударь Иван Васильевич,
В Москву идти — перехватаным быть,
По разным городам разосланным
И по темным тюрьмам рассаженным.
Пойдемтя мы в Усоля ко Строгоновым,
Ко тому Григорью Григорьевичу,
К тем господам к Вороновым,
Возьмем мы много свинцу-пороху
И запасу хлебнова».
И будут оне в Усолье у Строгонова,
Взяли запасы хлебныя, много свинцу-пороху
И пошли вверх по Чусовой реке,

Где бы Ермаку зима зимовать.
И нашли оне пещеру каменну
На той Чусовой реке, на висячем большом каменю;
И зашли оне сверх того каменю,
Опускалися в ту пещеру казаки,
Много не мало — двесте человек;
А которые остались люди похужея, на другой стороне
В такую ж оне пещеру убиралися,
И тут им было хорошо зима зимовать.

Та зима проходит, весна настает:
Где Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебряной реке.
Стал Ермак убиратися со своими товарищами, —
По Серебряной пошли, до Жаравля дошли.
Оставили оне тут лодки-коломенки,
На той Баранченской переволоке,
Одну тащили, да надселися, там ее и покинули.
И в то время увидели Баранчу-реку, — обрадовались,
Поделали боты сосновыя и лодки-набойницы;
Поплыли по той Баранче-реке.
И скоро оне выплыли на Тагиль-реку;
у тово Медведя-камня, у Магницкова горы становилися.
А на другой стороне была у них пло(т)бища:
Делали большия коломенки,
Чтобы можно им со всем обратися.
Жили оне тут, казаки, с весны до Троицова дни,
И были у них промыслы рыбныя,
Тем оне и кормилися.

И как им путь надлежал,
Со всем в коломенки убиралися.
И поплыли по Тагиль-реке;
А и выплыли на Туру-реку,
И поплыли по той Туре-реке в Епанчу-реку:
И тут оне жили до Петрова дни.
Еще оне тут управлялися:
Поделали людей соломенных
И нашили на них платье цветное;
Было у Ермака дружины три ста человек,

А стало уже со теми больше тысячи.

Поплылипо Тоболь-реку,
В Мяденски юрты приплыли;
Тут оне князька полонили небольшева,
Дабы показал им путь по Тоболь-реке.
Во тех ус(т)ьях тобольских
На ізголове становилися,
И собиралися во единой круг,
И думали думушку крепку заедино,
Как бы им приплыть к горе Тобольской той.
Сам он, Ермак, пошел ус(т)ьем верхним,
Самбур Андреевич — ус(т)ьем средним,
Анофрей Степанович — ус(т)ьем нижним,
Которая ус(т)ья впала против самой горы Тобольския.
И выплыли два атамана казачия,
Самбур Андреевич и Анофрей Степанович
Со своими товарищами на Иртыш-реку
Под саму високу гору Тобольскую.
И тут у них стала баталия великая
Со теми татары котовскими.
Татара в них бьют со крутой горы,
Стрелы летят, как часты дожди,
А казакам взять не можно их.
И была баталия целой день,
Прибили казаки тех татар немало число,
И тому татары дивовалися:
Каковы русски люди крепкия,
Что ни едино убить не могут их,
Каленых стрел в них, как в снопики, налеплено,
Только казаки все невредимы стоят,
И тому татара дивуются ноипаче того.

В то же время пришел атаман Ермак Тимофеевич
Со своею дружиной тою лукою Соуксанскую.
Дошел до ус(т)ья Сибирки-реки
И в то время полонил Кучума — царя татарскова,
А первова князька поиманова
Отпустил со известием
Ко тем татарам котовским,

Чтобы оне в драке с казаками помирились:
«Уж-де царя вашего во полон взяли
Тем атаманом Ермаком Тимофеевым».
И таковы слова услыша, татару сократились
И пошли к нему, Ермаку, с подарочками:
Понесли казну соболиную и бурых лисиц сибирских.
И принимал Ермак у них не отсылаючи,
А на место Кучума-царя утвердил Сабанака-татарина
И дал ему полномочие владеть ими.
И жил там Ермак с Покрова
До зимнява Николина дня.
Втапоры Ермак шил шубы соболиныя,
Нахтармами вместе сшивал,
А теплыя мехи наверх обоих сторон;
Таковым манером и шапки шил.

И убравши Ермак со всемя казаки,
Отъезжал к каменну Москву,
Ко грозному царю Ивану Васильевичу.
И как будет Ермак в каменной Москве,
На канун праздника Христова дня,
Втапоры подкупил в Москве
Большова боярина Никиту Романовича,
Чтобы доложил об нем царю Грозному.
На самой праздник — Христов день,
Как изволил царь-государь итти от заутрени,
Втапоры доложил об них Никита Романович,
Что-де атаманы казачия,
Ермак Тимофеев с товарищи,
К твоему царскому величеству с повинностью пришли
И стоят на Красной площади.
И тогда царь-государь
Тотчас велел пред себя привести
Тово атамана Ермака Тимофеева
Со темя ево товарищи.
Татчас их ко царю представили
В тех шубах соболиных.
И тому царь удивляется
И не стал больше спрашивати,
Велел их разослать по фатерам

До того часу, когда спросятся.
Втапоры царю праздник радощен был,
И было пиrowание почестное
На великих на радостях,
Что полонил Ермак Кучума — царя татарскова,
И вся сила покорилася тому царю Грозному,
Царю Ивану Васильевичу.
И по прошествии того праздника
Приказал царь-государь
Тово Ермака пред себя привести.
Тотчас их сабрали
И ко царю представили,
Вопрошает тут их царь-государь:
«Гой ты еси, Ермак Тимофеев сын!
Где ты бывал, сколько по воли гулял
И напрасных душ губил?
И каким случаем татарскова
Кучума-царя полонил,
И всю ево татарскую силу
Под мою власть покорил?».
Втапоры Ермак пред Грозным царем на колени пал,
И письменное известие обо всем своем походе подавал,
И притом говорил таковыя слова:
«Гой еси, вольной царь, царь Иван Васильевич!
Приношу тебе, асударь, повинность свою:
Гуляли мы, казаки, по морю синему
И стояли на протоке на Ахтубе,
И в то время годилося мимо итти послу персидскому
Коромышеву Семену Костянтиновичу
Со своими салдаты и матрозами;
И оне напали на нас своею волею
и хотели от нас поживитися, —
Казаки наши были пьяныя, а салдаты упрямыя —
И тут персидскова посла устукали
Со теми ево салдаты и матрозами».
И на то царь-государь не прогневался,
ноипаче умилосердился,
приказал Ермака пожаловати.

И посылал ево в ту сторону сибирскую,
Ко тем татарам котовскием
Брать с них дани-выходы в казну государеву.
И по тому приказу государеву
Поехал Ермак Тимофеевич
Со своими казаками в ту сторону сибирскую.
И будет он у тех татар котовских,
Стал он их наибольше
Под власть государеву покоряти,
Дани-выходы без апущения выбирати.

И год-другой тому времени поизойдучи,
Те татары [в]збу[н]товалися,
На Ермака Тимофеева напущалися
На той большой Енисее-реке.
Втапоры у Ермака были казаки разосланы
По разным дальным странам,
А при нем только было казаков
На дву коломенках,
И билися-дралися с татарами время немалое.
И для помощи своих товарищев
Он, Ермак, похотел перескочити
На другую свою коломенку
И ступил на переходню обманчивую,
Правою ногою поскользнулся он, —
И та переходня с конца верхнева
Подымалася и на ево опускалася,
Росшибла ему буйну голову
И бросила ево в тое Енисею-быстру реку.
Тут Ермаку такова смерть случилась.

(Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым)

Песни, собранные П. В. Киреевским, Ч. II. Песни былевые, исторические. Вып. 6. Москва. Грозный царь Иван Васильевич, 1864.